

ЭКОНОМИКА УТЕРЯННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

*Лета к суровой прозе клонят...
А.С. Пушкин*

Не относясь к симпатикам сегодняшней государственной власти, считаю необходимым беспристрастный, а не обвинительный анализ экономических условий и экономической тематики первых шагов украинской независимой государственности. Беспристрастность способствует объективности выводов и так необходимой сейчас честности оценок действий и результатов деятельности сегодняшнего правительства, пониманию причин тех действительно сложных условий, в которых это и предшествующие правительства оказывались и оказываются не по своей вине и не по своей воле¹. Проблемы зарожжены в первые годы независимости. Без обвинительного пафоса на них и остановимся.

Материалы для подготовки данной статьи содержатся в опубликованных исследованиях разных лет автора и его коллег [1, 2]. Что-то отобрано из тех публикаций и повторено здесь как необходимая аргументация.

Украина, будучи страной индустриальной, начинала свой государственно самостоятельный экономический путь в относительно хороших условиях. Мировые авторитетные эксперты сулили ей быстрое и наиболее безболезненное по сравнению с другими республиками СССР рыночное реформирование экономики. И для таких выводов были

основания:

развитая промышленность и наука, имевшие всесоюзное значение;
высокопрофессиональный инженерно-технический персонал;
интенсивное (по меркам СССР) сельское хозяйство;
традиционные трудолюбие и бытовая культура народа.

Но – и это в контексте заявленной темы самое главное! – украинская экономика была (что общеизвестно) составной частью экономики СССР, того, что действительно функционировало как «единый народнохозяйственный комплекс» – системы неразрывно взаимосвязанных частей, каждая из которых не могла быть и не была целым, не могла функционировать и развиваться вне той кооперации. Поэтому моментальный политический разрыв целого катастрофическим образом сказался на экономике Украины, в наибольшей степени инкорпорированной в единую советскую социалистическую экономику, управляемую из единого центра – Москвы.

Наследованная от СССР структура экономики, неразумный моментальный разрыв связей с республиками СССР и, прежде всего, с Россией, неопытность самостоятельной государственности привели к тому, что Украина оказалась в условиях даже не кризиса, а катастрофы. Если кризис означает необходимость и возможности перестроения системы за счёт, главным образом, внутренних ресурсов, то в условиях катастрофы есть только необходимость, но нет возможности её преодоления, поскольку

¹ Нынешняя политика правительства не является объектом рассмотрения в данной статье.

система «пошла в разнос»: она лишилась внутренних ресурсов – внутренних ресурсов восстановления и, следовательно, развития в дальнейшем.

Если для преодоления кризиса есть правила, то разрушенная система правил не имеет. Место преодоления занимает выживание. Никаких правил. Каждый выживает по-своему. На месте порядка (не имеет значения какого: тоталитарного, авторитарно-административного, демократического) воцарился хаос. На место необходимости и возможности пришла необходимость, повенчанная со случайностью. Проблему воссоздания целого из оставшихся, самостоятельно не стыкуемых между собой частей пришлось решать правительствам, в развале экономики не повинным, к тому же государственно неопытным.

История со временем назовёт всех «героев своего времени», надеюсь, никого не оговорив. А мы остановимся на том, какой «экономический продукт» получила Украина вследствие разломов некогда единой экономической системы.

Внутри СССР Украина была республикой с самой открытой экономикой, причём открытой, главным образом, в сторону России¹. До обретения независимости, в 1990 г. доля внешней торговли, включая межреспубликанский обмен внутри СССР, в совокупном внутреннем продукте Украины составляла 34% (для сравнения: в России этот показатель был 22%). 82% из них, то есть «по-сегодняшнему говоря», внешней торговли Украины приходилось на межреспубликанский обмен (в России – 60,6%). По заключению известных советских учёных-экономистов

Н. Петракова и Г. Шагалова в гипотетической изоляции могла существовать только одна республика СССР – Россия, которая имела (и имеет!) всё необходимое разнообразие природных богатств и широко разветвлённую структуру производства.

Россия могла самостоятельно обеспечивать 65% производства конечного продукта за счёт собственных ресурсов, Казахстан – 27, Украина – только 15%. Потеряли партнёров предприятия военно-промышленного комплекса, доля которого составляла 30% оборонного потенциала СССР. При этом, заметим, мировой рынок вооружений оставался (и остаётся!) высоколиквидным. К 1992 г. Украина завозила из стран СНГ 80-90% потребляемых нефти и газа, 80% – сырья для лёгкой промышленности, 60% – деловой древесины, 70% – комплектующих изделий для машиностроения и т.д.

Конечно, во взаимозависимости советских республик не только Украина зависела от других, но и другие республики зависели от неё.

По состоянию экономики в 1990 г. удельный вес Украины в общесоюзном производстве чугуна составлял 40,8%, стали – 34,2, добычи железной руды – 45,5, производства сахара – 50,0, производства подсолнечного масла – 40,0% и т.д. Лёгкая промышленность была одной из самых развитых в Союзе. Но потеряли сырьевую базу, и эта отрасль полегла. То же можно сказать и о сельском хозяйстве. Будучи одним из самых интенсивных в общей стране, «снабженцем» всей страны, оно было зависимо от того, что относится к материально-техническому обеспечению. Разрушив связи обеспечения, обескровили аграрный сектор и разрушили его организацию.

¹ Открытость, как известно, рассчитывается как отношение объёма внешней торговли (экспорт плюс импорт) к валовому внутреннему продукту.

Структура экономики была такова, что Украина производила только 20% конечного продукта, выступая, таким образом, одним из основных потребителей его союзного производства и поставщиков сырья и рабочей силы (сколько из Украины выехало и выезжало осваивать богатства Сибири – общесоюзной статистики до сих пор нет).

Таким образом, структурированная экономика в научном лексиконе обычно считается неэффективной и так обозначается. Однако, как известно всякому мало-мальски грамотному экономисту, эффективность – характеристика не обозначения, а расчёта, соотношения. Поэтому сама по себе структура не может оцениваться как эффективная или неэффективная. Например, «однобокая» по нашей характеристике экономика эмиратов вполне эффективна и находится на самых высоких этажах благосостояния граждан, строительства транспортных коммуникаций, технологий. Эффективная потому, что открытая.

Конечно, если открытую, какой была экономика Украины, закрыть, структура, оцениваемая по внешнеэкономическому обороту, станет неэффективной. До суверенитета, в том числе и самонадеянно экономического, Украина выходила на внешние по отношению к СССР рынки через конечный продукт, производившийся в других регионах, внося в него свою долю сырья, полуфабрикатами. В 90-х годах, сократив внутрисоюзный рынок более чем на 40%, страна получила отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, безработицу, неплатежи. На покрытие такого рода издержек потребовалась помощь международных финансовых организаций со всеми последствиями для многих последующих лет. Кстати, отдельный вопрос –

структура использования помощи. Очевидно, что западная помощь использовалась не на реструктуризацию экономики, а на гашение долгов по внешнеэкономической деятельности. Добавим к этому беглое замечание о мифе всепобеждающего значения методов и инструментов финансовой политики. Эти методы действительно эффективны, но для лечения болезней развитой рыночной экономики, а точнее, – для естественной экономики, способной не только саморазвиваться, но и самовылечиваться. А финансовый инструментарий только корректирует ход лечения. Если болезнь не лечилась, запущенная, в организме (в данном случае – экономике) происходят патологические изменения, требующие радикальных, анатомических, а не поверхностно финансовых методов лечения. Для этого нужно государство. В Украине его ещё не было. Было только само название. Здесь же речь идёт о масштабах зависимости и, следовательно, о различиях в интенсивности негативных её последствий.

С экономической точки зрения для точности отражения смыслов в словах точнее будет говорить не о зависимостях и взаимозависимостях, а о связях и взаимосвязях, потому что лозунг независимости к экономике отношения не имеет. И вместо того, чтобы грамотно строить экономическую политику (а учиться экономической грамоте рыночного содержания было, кроме Москвы, нигде), была использована политика самонадеянной независимости и «самостийности». Что лежало в основе такого скачка, не подготовленного, не натренированного на самостоятельность организма – вопрос чрезвычайно интересный, но в данном случае отдельный, особый и далеко не только и не настолько экономический.

Вместе с независимостью пришла свобода в её наиболее разнузданной форме – форме беспредела. Сказались потребительские (патерналистские) нравы, отношение к труду, как необходимости «устройства личной жизни», а не действительно справедливому источнику доходов.

Социально-экономический результат: безработица, пауперизация, бартеризация, ваучеризация, преступность и эмиграционная активизация.

С молодым и слабым самостоятельным государством предпринимательно активные члены общества не считались; по данным Всемирного банка, в то время 50% экономики Украины находилось в тени. Да и сама власть далеко не представляла собой вместилище человеческих добродетелей и добропорядочности. Деньги, но не как заработанные, а как уведенные (неважно откуда), очень быстро заменили идеологию государственности и представления о миссии государства.

Дело в том, что за все годы до независимости и в годы её становления негативной энергии и негативных качеств было накоплено значительно больше, чем кто бы то ни было мог предположить, не то чтобы рассчитать. Каждый из реформаторов – и Н. Хрущёв, и М. Горбачёв – были свергнуты со своих тронов переворотами. Быстрее и демократическими путями этот процесс пошёл после развала СССР в независимых республиках.

Миф о возможностях перехода от государственного социализма к капитализму в цивилизационных условиях отмирания «-измов» был развенчан самым тяжёлым образом – разрушением экономики, забытым к этому времени уровнем нищеты,

разломами социальных скреп, деморализацией. И это в стране, объективные условия которой, заметим ещё раз, сулили возможности быстрой и эффективной трансформации экономики.

Парадокс состоит в том, что переход от государственной неэффективной экономики к экономике эффективной не мог быть осуществлён без активного участия самого государства, роль которого в этом процессе является первостепенной. Однако сформировавшееся государство, как институт власти и управления, осталось в Москве. В Киеве ему предстояло только сформироваться, создать все необходимые структурные составляющие власти, обеспечить их взаимодействие и, что самое главное, научиться самостоятельно управлять страной.

Украина многое и сразу потеряла, не воспротивившись тому, что Россия провозгласила себя единственной преемницей СССР. Сделав это, она (Россия) не только приняла на себя международные и финансовые обязательства и долги СССР, но и закрепила за собой все активы Союза: алмазный и золотой фонды, здания, сооружения, имущество за рубежом, нефтегазовые разработки, доля Украины в которых была значительной. Украина ушла в независимость решительно и сразу, столь же решительно и сразу тем самым отрёклась от той доли, которая объективно и заслуженно принадлежала народу страны (кстати, многонациональному). И сделала это добровольно, без принуждения.

Разрушив внутрисоюзные отношения, наладить отношения с «дальним зарубежьем», правительство естественно сразу не могло, не было опыта. Не было знаний – в Украине экономическое образование было под

самым жёстким прессом партийных предписаний и «ориентировок», обязательных к исполнению. Не было специалистов по внешнеэкономическим и иным внешним отношениям. Всё перечисленное было и оставалось в Москве.

Отсутствие опыта, знаний, умения и институций (это не обвинение, а констатация фактов), вместо последовательной позитивной работы немедленно «компенсировалось» обвинительным пафосом идеологий «смертельно обиженных»: виноваты «имперские силы» (понятно, Россия), «пятая колонна» в стране (понятно, российской ориентации), языковая нечистоплотность (понятно, русский язык) и т.д. и т.п., но только не собственное юниорство, возомнившие себя богоявленными государственниками, не выбранный уже самостоятельно политико-экономический курс. На таком политико-идеологическом замесе ограниченные ресурсы общества (а они всегда ограничены) неразумно, скажем мягко, изымаются из созидания и направляются на разжигание противостояния и агрессивного неприятия того, что может быть в позитивном смысле названо культурным разнообразием и многообразием решений экономических задач. Мудрость эффективного использования того, что есть, включая сложившиеся веками экономические и духовные связи с бывшими республиками СССР и, прежде всего, с Россией, была сметена мазохизмом «исключительных страданий» и «исключительной уникальности». Украина пошла по пути большего экономического отсоединения от России, чем могла себе позволить. Ориентация на Запад не компенсировала, да и объективно не могла компенсировать эти потери, потому что украинская

экономика не могла и не может по сей день конкурировать с западными странами ни по производительности труда, ни по стоимости товаров и услуг, ни по их качеству и разнообразию, ни по энерго- и материалоёмкости. Такое экономическое поведение иначе чем иррациональным назвать нельзя.

В результате, вместо развития экономики на основе реструктуризации получили «сжатие» производственного потенциала, ухудшение структуры и разгул теневого варианта экономических отношений.

Модернизация оборудования и реконструкция производства прекратились. Амортизация резко снизилась в том, что касалось её возмещения. Сужение рынков сбыта сделало значительную часть оборудования лишней. Но по инерции и растерянности его продолжали содержать. На это требовались средства, которые отвлекались от удовлетворения других насущных потребностей – создания технологически новых рабочих мест, своевременной оплаты труда и её корректировки в соответствии с галопировавшей инфляцией, решения социальных задач образования, здравоохранения, решения судьбы пенсионеров. Основные фонды, состарившиеся в последнее десятилетие СССР, продолжили интенсивное старение. Безработица – открытая и скрытая – обесценивала и без того дешёвую рабочую силу. Таким образом, сырьё, материалы, готовая продукция вследствие либерализации цен функционировали по рыночным законам, а оборудование и рабочая сила – по старым единоплановым советским. Наиболее отчётливо это видно по структуре издержек (себестоимости)¹.

¹ Все приводимые далее данные получены в результате аналитической работы, проведенной

Так, доля материальных затрат в общих затратах производства в промышленности Украины в 1997 г. по сравнению с 1990 г. выросла с 70,8% (производство в СССР всегда было материало- и энергозатратным) до 77%, а удельный вес амортизации уменьшился с 10,9% до двух с небольшим процентов. Доля оплаты труда упала с 15,3% до приблизительно 10%.

Следует заметить, что и старое оборудование можно было бы использовать до лучших времён с учётом того, что оно было до 1990 г. инкорпорировано в единую кооперационную систему Союза. Но произошло то, что произошло. Винить только Украину в этом было бы проявлением неприличия. И Россия расстаралась в независимости, и другие республики. Независимость оценивалась как независимость вождей. Об экономике вспомнили позже, когда всё развалилось.

Потеря рынков сбыта, обесценение труда и основного капитала, взрывной рост цен на сырьё, материалы, энергоносители обусловили деградацию производства, деиндустриализацию экономики Украины. Так, доля добычи и переработки (топливная промышленность, электроэнергетика, чёрная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность) в общем объёме производства промышленной продукции возросла с 29,1% в 1990 г. до 54,3% в 1997 г., а доля машиностроения упала, соответственно, с 28,4 до 16,1%; лёгкой промышленности – с 11,6 до 1,7%, пищевой – с 18,7 до 13,8%. Ещё большим стал удельный вес материально-сырьевого и энергетического сектора, по числу занятых в нём (около 62%). Ещё хуже были региональные структуры в областях с высокой концентрацией тяжёлой

промышленности, унаследованной от СССР. Например, в Донецкой области удельный вес базовых отраслей тяжёлой промышленности в общем объёме промышленной продукции увеличился за проанализированный период с 54,7 до 83,9%.

Интегральный итог неиспользованных возможностей и экономического развала – это моральный и потребительский удар, который был нанесён гражданам Украины экономическим поражением.

Рост цен за период с 1991 по 1996 г. в секторе, производящем товары и услуги для населения, был почти в 5 раз (4,88) больше роста денежных доходов и в 5,9 раза больше, чем рост оплаты труда, в 10,6 раза больше среднемесячного роста пенсий. Это означает, что среднестатистический житель Украины мог купить на свои денежные доходы в пять раз меньше, чем очень небогатый гражданин СССР в 1990 г.

Очень наглядно итоговый результат демонстрируется падением производства основных продуктов питания, главным (или одним из самых главных) поставщиком которых в СССР была Украина (см. таблицу)¹. И сегодня о 1990 г. мы можем только вспоминать.

Таблица. Производство в Украине основных продуктов питания на душу населения в 1990-1996 гг., кг

Показатели	1990	1996
Мясо и мясопродукты	76,2	19,2
Хлебные продукты	129,1	61,9
Масло растительное	20,6	14,2
Сахар	166,3	65,2

На переломе 1996-1997 гг. разрыв между ростом инфляции и доходов стал сокращаться, а с перелома 1998-1999 гг. началась положительная экономическая

группой исследователей, среди которых была и автор этой статьи [2, 8-15, 21-22].

¹ По работе [2, 28].

динамика и экономический рост с очень медленными цивилизационными изменениями структуры производства, с приливами и отливами в высоте темпов роста.

Самое удивительное, если не уникальное, в мировой политико-экономической практике состоит в том, что как только экономика начала демонстрировать высокие темпы роста, различными недемократическими способами менялось политическое руководство, следствием чего являлись падающие темпы экономического роста одновременно с растущими темпами инфляции. Синусоиды возрастания и снижения, чередуясь, имеют в последние годы отрицательные социальные последствия, а рост не превратился в развитие, в частности, в том, что касается структуры производства. В таких условиях устойчиво сохранялись и совершенствовались только теневая экономика и коррупция.

Поскольку становление независимости, самостоятельного независимого государства и коллапс экономики совпали во времени, необходимы были немалые ресурсы на создание, обучение и функционирование новых государственных структур, которых ранее не было в Украине, реформирование старых. При этом число чиновников, что естественно, возросло¹, а средств на их содержание не хватало, что понятно для тех условий. Отсюда – низкая оплата труда служащих, коррупция, не служение, а прислуживание.

Так, в результате анализов и

¹ Следует предостеречь нас от брюзжаний по поводу того, что «чиновничество расплодилось». В европейских странах (мы ориентируемся на Европу) удельный вес чиновников в общем числе занятых в десять и более раз превышает аналогичный показатель Украины.

обобщений сформировалось то, что мы имеем в Украине сегодня: вместо экономического цивилизационного развития – не прекращающиеся, а, напротив, усиливающиеся политические противостояния, в основе которых не развитие страны, а борьба между теми, у кого накопились необходимые для этого финансовые ресурсы, – есть необходимость их сохранить и приумножить. А это путь, не имеющий положительной перспективы. Потому необходимо принципиальное изменение основы укрепления независимости, развития экономики и государственности, изменение, сориентированное на современные основные движущие силы взаимосвязанного и взаимозависимого мира: на технологии и информацию. Сегодня именно они, а не «-измы», идеологии и националистическая озабоченность определяют место страны в глобализованном мире. Но нам для того, чтобы стать на этот путь, нужно разорвать замкнутый круг потерянных возможностей: низкие доходы населения → низкие накопления → низкий уровень инвестиций → низкий уровень производства. И как это не прозвучит раздражающе для национальных моралистов, силой, способной разорвать это «дурное круговращение», является предпринимательский класс и, в особенности, те из них, кого относят к сословию олигархическому. Для того чтобы они выполнили эту свою общественную миссию, нужно законодательно-договорное оформление их отношений с государством, при условии незыблемости прав собственности и строгого разделения прав и обязанностей бизнеса, государства, местного самоуправления. На первый взгляд – общие слова. Но если их не переводить последовательно и

настойчиво в практику, сформировавшийся замкнутый круг не разорвать.

Единичность событий реформирования следует превратить в их повторяемость и непрерывность. Только тогда страна интегрируется в мировую экономику не только ценами, но и качественными товарами, конкурентоспособностью.

Правда, для этого нужно иное качество власти, власти, ориентированной не на делание врагов, а на «делание жизни», на народ, а не на нацию, власти, пользующейся не радикализмом и нагнетанием страстей, а спокойной мудростью, знающей своё дело и понимающей страну и интересы каждого гражданина в отдельности.

Литература

1. Губерная Г.К. Украина на пути в мировое хозяйство. – Донецк: ИЭП НАН Украины, 1995. – 26 с.

2. Губерная Г.К., Скубенко В.П., Чередник Л.И., Ткаченко А.А. Состояние экономики как основа сотрудничества государства и гражданина. – Донецк: ИЭП НАН Украины, 1998. – 32 с.